

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

© 2020 г. Ю. И. Сафоклов

FernUniversität in Hagen, ФРГ

E-mail: jurisafoklov@yandex.ru

Поступила в редакцию 12.03.2020 г.

Аннотация. В статье рассматривается состояние судебной системы Русской Православной Церкви согласно действующим правовым актам. Автор исследует совместимость основополагающих принципов существования Церкви с механизмом функционирования судебных органов. Определение церковных судов конкретизируется *ex negativo* путем категориального разграничения сущности и компетенций государственных судов, а также исповедального «суда совести». Действующее законодательство РПЦ в отношении судебной власти исследуется на основании Устава РПЦ и Положения о церковном суде РПЦ. Озвучиваются основные принципы, цели и задачи церковного правосудия, иерархия правовых актов и органов судебной власти, права и обязанности участников судебных процессов, вступление в юридическую силу решений церковных судов и процедура их обжалования в вышестоящих инстанциях. Особое внимание уделяется актуальным проблемам церковного права, в частности принципу делегирования судебных полномочий нижестоящим органам церковного правосудия, вопросу наличия судебных полномочий у предстоятеля Русской Православной Церкви, текстуальным противоречиям Устава и Положения о церковном суде и способам их разрешения, а также доступу к различным уровням судебной власти и особенностям судопроизводства. Обрисовывается круг вопросов церковного права, препятствующих повышению качества и эффективности церковного правосудия и потому ожидающих скорейшего компетентного разрешения.

Ключевые слова: государство и церковь, церковный суд, церковное право, судебная система Русской Православной Церкви.

Цитирование: Сафоклов Ю.И. Современное состояние судебной системы Русской Православной Церкви // Государство и право. 2020. № 12. С. 66–75.

DOI: 10.31857/S102694520012734-8

CURRENT STATE OF THE JUDICIAL SYSTEM OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH

© 2020 Yu. I. Safoklov

The University of Hagen, Germany

E-mail: jurisafoklov@yandex.ru

Received 12.03.2020

Abstract. The article examines the state of the judicial system of the Russian Orthodox Church in accordance with current legal acts. The author examines the compatibility of the fundamental principles of the Church's existence with the mechanism of functioning of judicial bodies. The definition of ecclesiastical courts is specified ex negativo by categorical differentiation of the essence and competence of state courts, as well as the confessional "court of conscience". The current legislation of the ROC in relation to the judicial power is being investigated on the basis of the ROC Charter and the Regulations on the ROC ecclesiastical court. The main principles, goals and objectives of Church justice, the hierarchy of legal acts and judicial authorities, the rights and obligations of participants in judicial processes, the entry into legal force of decisions of Church courts and the procedure for appealing them to higher instances are announced. Particular attention is paid to current problems of Church Law, in particular the principle of delegating judicial powers to lower-level bodies of Church justice, the question of whether the Primate of the Russian Orthodox Church has judicial powers, textual contradictions in the Charter and Regulations on the Church Court and how to resolve them, as well as access to various levels of judicial power and the specifics of legal proceedings. The author outlines a range of issues of Church Law that hinder the improvement of the quality and effectiveness of Church justice and therefore await prompt competent resolution.

Key words: state and Church, Church Court, Church Law, judicial system of the Russian Orthodox Church.

For citation: Safoklov, Yu. I. (2020). Current state of the judicial system of the Russian Orthodox Church // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 66–75.

I. Введение

На первый взгляд идея суда как некоей инстанции, разрешающей конфликт индивидуумов путем признания правоты одного из них и неправоты другого, проводящей разбирательство на основании формализованных, независимых от обстоятельств конкретного дела правовых предписаний и налагающей разнообразные санкции на провинившуюся сторону противоречит устоявшимся понятиям о Церкви. Собрание людей, объединенных идеалами любви, милосердия, бескорыстия, правды и справедливости, как кажется, не может подчиняться бездушной судебной «машине», но должно разрешать возникающие споры в духе взаимных уступок и жертвенности. Однако уже на заре христианской эпохи со всей ясностью обозначилась необходимость объединения церковного сообщества посредством определенных правил, соблюдение которых позволяло бы верующим неотступно шествовать по стезям евангельских добродетелей. При этом христианские общины нуждались не только в средствах побуждения к верности избранному пути, представлявшемся затруднительным в условиях враждебного окружения, но и в инструментах сохранения внутренней дисциплины и соразмерной реакции на ненадлежащее поведение отдельных членов. Таким образом, возникновение судебных органов не только не разрушило эклизиологической составляющей христианства, но явилось одним из ключевых элементов самосохранения Церкви. Отсутствие правосудия препятствовало бы отражению угроз со стороны внутренних неприятелей, подрывающих вероучительное единство и межличностный монолит христиан. Внешним же неприятелям оно дало бы повод обвинить Церковь в систематическом произволе и деспотизме, а также бесправном положении ее членов. Красноречивым аргументом, подтверждающим обоснованность существования

системы церковного правосудия, является тот факт, что юридическая концепция принципиального отрицания судов, своего рода «судебный негативизм», не получила распространения на протяжении истории христианства.

II. Понятие церковного суда

В основу рассмотрения состояния судебной системы Русской Православной Церкви (РПЦ) необходимо положить ясное определение понятия церковного суда. Однако исследователь, поставивший себе задачу сформулировать подобную дефиницию, уже на начальной стадии сталкивается с определенными проблемами. Причина этих затруднений заключается в полиморфности судебной власти Церкви, которая проявляется в различных формах и выполняет разнообразные функции, что делает необходимым произвести определенные терминологические разграничения.

1. Церковный суд и судебная система государства

В первую очередь необходимо указать на существенное отличие судов Церкви от государственных судебных органов. Психологическое состояние участников, их отношение друг к другу, к рассматриваемому юридическому конфликту и ситуации после его разрешения релевантны лишь постольку, поскольку они затрагивают аспекты сохранности общественной безопасности и общественного порядка. Судебная система христианской Церкви зиждется на фундаментальных принципах исправления и ресоциализации правонарушителей¹. Разрешение спора на основании критериев справедливости и истинности соответствует лишь номинальному, «внешнему» направлению судебных разбирательств, в то время как главная их цель

¹ См.: Заозерский Н. Церковный суд в первые века христианства. Кострома, 1878. С. 117.

заключается в побуждении к признанию собственных заблуждений и ошибок и восстановлению согласия между конфликтующими сторонами.

2. Церковный суд и покаянный «суд совести»

Многообразие понятия «суд» очевидно. В границах самой Церкви также существуют несколько видов судов, которые необходимо отличать друг от друга. Так, духовно-нравственное врачевание, получаемое верующим в таинстве исповеди, также есть своего рода судопроизводство². От исповедального суда следует отличать церковно-судебную деятельность, относящуюся к компетенции специализированных церковных инстанций, осуществляемую на основании свода процессуальных норм и оперирующую юридически закрепленным санкционно-принудительным аппаратом³.

Уже языческие философы признавали кардинальное различие между судом совести и судом государства, первый из которых совершается человеком над самим собой, в то время как механизм второго предполагает разделение участников судебного процесса на судей и подсудимых, т.е. подразумевает вынесение стороннего приговора над человеком⁴. Мораль и нравственность отдельных индивидуумов формируют этическую систему координат общества, но и право как *minimum minimorum* морально-нравственных установок транслирует свое содержательное наполнение личности и тем самым оказывает непосредственное влияние на ее представления о добре и зле, должном и преступном. За правом можно признать определенный пропедевтический эффект, причем конечной целью воспитательного процесса в этом случае является достижение человечеством состояния абсолютной моральности, при котором отпадает необходимость внешнего правосудия и наказаний. Однако на всех предшествующих этапах развития право является неотъемлемым элементом поддержания и охраны общественного порядка.

Существенное различие между исповедальным «самосудом» и церковно-судебной инстанцией заключается в процессуальном регламентировании разбирательств. В то время как покаянные правила устанавливаются Церковью автономно и без какого-либо вмешательства государственной власти, юридический базис деятельности церковных судов затрагивает монополию государства на

осуществление правосудия и потому должен быть согласован со светскими правовыми актами⁵.

3. Судебная власть как сущностный элемент Церкви

С христианской точки зрения историю существования человечества вполне можно рассматривать как процесс последовательного развертывания этических критериев и поведенческих норм. Разнообразные установления можно обнаружить уже в книгах Ветхого Завета, причем из их содержания становится ясно, что морально-нравственная эволюция протекала максимально инклюзивно, т.к. в ней участвовали самые разные этнические, религиозные и культурные группы. С вхождением в новозаветную эпоху задачей христианина становится переориентация целевых установок в соответствии с евангельским образцом и нейтрализация внешних и внутренних противоборствующих сил. Однако пока собственный потенциал личности еще является недостаточным, церковные институты, в том числе суды, осуществляют вспомогательную функцию в процессе аскетико-нравственного совершенствования человека.

Судопроизводство рассматривается как неотъемлемая часть церковного организма, т.е. некое естественное свойство, «прирожденное» Церкви⁶. Выдвигаемые в пользу этой теории аргументы имеют в основном исторический характер и исходят из положения о том, что церковный суд осуществлялся уже тогда, когда государство не только не признавало за Церковью каких-либо полномочий, но было открыто враждебно ей и отрицало само право ее существования. Тем самым отвергается точка зрения о церковном суде как праве, делегированном церкви государством. Напротив, именно в противостоянии с государством Церковь защитила традицию внутреннего разрешения споров между своими членами от посягательств публичных органов власти. Верным представляется и аргумент, согласно которому осуществление Церковью своего провиденциального предназначения возможно только в том случае, если она будет в состоянии самостоятельно поддерживать внутреннюю дисциплину своих членов, устанавливая нарушения своих уставных предписаний и иных правил и реагируя на них наложением соответствующих прещений⁷.

III. Современное законодательство о судебной системе РПЦ

Основополагающими правовыми актами, регулирующими устройство церковных судов, иерархию судебных инстанций, подсудность и особенности судопроизводства являются Устав РПЦ

² Ср.: Иларион (Алфеев) еп. Православие. Т. 1. М., 2008. С. 333.

³ См.: Певцов В. Г., *прот.* Лекции по церковному праву. СПб., 1914. С. 207.

⁴ Ср.: Сенека Луций Анней. О гневе // Сенека Луций Анней. Философские трактаты / пер. Т. Ю. Бородай. Кн. II, гл. 28. СПб., 2001; Цицерон Марк Туллий. Речь в защиту Луция Корнелия Бальба // Вестник древней истории. 1987. № 2 (гл. III, § 8).

⁵ Ср.: Горчаков М. И., *прот.* Церковное право. СПб., 1909. С. 210.

⁶ Никодим (Милаш), еп. Православное церковное право. СПб., 1897. С. 460.

⁷ Ср.: Горчаков М. И., *прот.* Указ. соч. С. 209.

и Положение о церковном суде РПЦ (Московско-го Патриархата), которое было принято на Архиерейском Соборе 2008 г. (в ред. 2017 г.). При этом Устав устанавливает общие правовые предписания осуществления судебной власти церковными органами, в то время как Положение конкретизирует и детализирует деятельность церковных судов разных уровней. Вопреки мнению А.С. Смыкалина⁸, законодательство Российской Федерации отнюдь не исключает церковного правосудия, а напротив, признает его как часть широкой автономии религиозных организаций согласно ч. 1 ст. 15 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (в ред. от 02.12.2019 г.) «О свободе совести и религиозных объединениях»⁹.

1. Церковный суд согласно Уставу РПЦ

а) Основные принципы

Положения, регулирующие деятельность церковных судов, содержатся в гл. IX. В ст. 1–4 закреплены принципы осуществления церковного судопроизводства, в то время как в ст. 5–29 произведена их конкретизация.

Статья 1 устанавливает монополию церковных судов на разрешение споров внутри церковного сообщества. Таким образом, в случае, если в Церкви будут созданы третейские суды или иные квазисудебные инстанции, их решения смогут обладать лишь рекомендательной, но не обязывающей силой. В качестве источников церковно-судебного права в ст. 2 перечисляются церковные каноны, Устав и Положение о церковном суде. Порядок перечисления выстраивает иерархическую лестницу названных правовых актов в соответствии с их юридической силой. На вершине нормативной иерархии находятся положения церковных канонов, за которыми следуют предписания Устава, а завершается данное построение статьями Положения о церковном суде. Данная иерархия подтверждается тем фактом, что в Уставе содержатся ссылки на церковные каноны как источники права высшего ранга (ср. гл. 4, п. «х» ст. 7), а Положение ссылается как на каноны (ч. 1 и 2 ст. 6, ч. 3 ст. 18), так и на Устав (ср. ч. 1 ст. 23). Акты, принятые на основании одного из названных в ст. 2 источников права, занимают место после Положения. Таким образом, противоречия между канонами и предписаниями Устава, канонами и Положением либо Уставом и Положением следует разрешать на основании иерархической позиции этих нормативных актов. Каноны, являясь своего рода

церковной «Конституцией» и, следовательно, обладая наивысшей юридической силой, не могут быть нарушены Уставом и Положением¹⁰. Содержание Устава должно соответствовать каноническим определениям, в то время как Положение должно согласовывать свое содержание и с канонами, и с нормами Устава. Таким образом, противоречия между этими правовыми актами с точки зрения юридической логики невозможны. Нижестоящие правовые акты не могут отменять, модифицировать или дополнять церковные установления, превосходящие их по юридической силе.

Статья 3 содержит принцип единства церковной системы РПЦ, исполнение которого осуществляется двумя способами. Во-первых, все церковные суды должны при вынесении своих решений соблюдать единые процессуальные стандарты. Во-вторых, подразделения и отдельные члены РПЦ на всей ее канонической территории признают обязательность исполнения постановлений церковных судов, вступивших в законную силу. Таким образом, юридическая сила церковно-судебных актов не может быть отменена никакой, даже самой широкой автономией отдельных структур, находящихся в составе Русской Православной Церкви. Данное положение дословно дублируется в ст. 4 Положения о церковном суде РПЦ. Общеобязательное действие решений церковных судов для всех принадлежащих РПЦ мирян и клириков содержится также в ст. 8.

Не менее значимым представляется содержание ст. 9, в которой предусматривается проведение закрытых судебных разбирательств в качестве общего церковно-процессуального правила. Именно здесь проявляется своеобразие церковного правосудия и его отличие от государственного судопроизводства. Отличительной чертой последней является следование требованиям транспарентности и публичности, которые требуют проведения открытых заседаний и формирование прозрачной структуры судебной власти (ср. ч. 1 ст. 123 Конституции РФ). Изолирование общественности возможно лишь в исключительных случаях и должно быть обосновано вескими требованиями общественного правопорядка (например, дела о государственной измене, терроризме) либо интересами отдельных участников судебного процесса (несовершеннолетние, лица с ограниченными возможностями). Отказ от принципа гласности судебных процессов представляет собой решительный разрыв с тенденциями правового развития настоящего времени и потому требует пояснения. Верным

⁸ См.: Смыкалин А.С. Историко-сравнительный анализ современной судебной системы Российской Федерации и церковных судов Русской Православной Церкви // Бизнес, менеджмент, право. 2016. № 1–2 (33–34). С. 85.

⁹ См.: СЗ РФ. 1997. № 39, ст. 4465.

¹⁰ Ср.: Волужков Д.В. К вопросу об основаниях церковно-судопроизводства на примере «Положения о церковном суде Русской Православной Церкви» от 2008 г. // Христианское чтение. 2018. № 3. С. 159.

представляется предположение о том, что проведение закрытых разбирательств преследует цель способствовать мирному разрешению конфликтов при исключении любого внешнего давления. В отличие от государственных судов, в церковных судах установление объективной истины и выявление виновной стороны играют лишь второстепенную роль. Наивысшим же интересом как согласно исторической традиции, так и по действующим нормативным документам является вспомоществование лицам, уклонившимся от следования церковным правилам, в процессе их реинтеграции в каноническое русло и примирение правонарушителей с церковным сообществом. Вряд ли может подлежать сомнению вывод о том, что подобный диалог может иметь наибольший успех тогда, когда он осуществляется «за закрытыми дверями» и дает участникам ощущение максимальной защищенности от любых внешних факторов влияния.

б) Устройство системы церковных судов

Согласно ст. 4 церковная судебная система состоит из четырех уровней. В нее входят епархиальные суды, высшие суды отдельных церквей с расширенной автономией (Украинская Православная Церковь Московского Патриархата, Русская Православная Церковь Заграницей), Высший общецерковный суд и Архиерейский Собор РПЦ. Судебная власть распространяется на всех лиц, находящихся в юрисдикции РПЦ. Судебные коллегии формируются исключительно из священнослужителей, а начиная с уровня Высшего общецерковного суда — только из архиереев. Таким образом, исходя из статуса его членов, церковный суд может быть по праву назван судом духовенства. Необходимо подчеркнуть, что одной из типичных характеристик церковного правосудия является осознанный отказ от идеи разделения властей и сосредоточение всей полноты полномочий в руках епископа, что соответствует традиционному пониманию функции епископа как объединяющего начала церковного сообщества¹¹. Выражением доминирующего положения епископа в системе церковных судов является требование подтверждения им решений епархиальных судов согласно ст. 16. Право досрочного отзыва председателей и членов церковных судов также принадлежит епархиальному архиерею (ст. 13). Финансирование епархиальных судов осуществляется из бюджета епархии, а высшего общецерковного суда — из общецерковного бюджета (ст. 17, 25 гл. IX).

Юрисдикция церковных судов зависит от личных свойств участников разбирательств и содержания исследуемого дела. Первый из этих

юрисдикционных критериев включает в себя деление на подгруппы клириков и мирян, в то время как второй подразделяется на различные категории церковных правонарушений и соответствующих им прещений. Необходимо отметить, что при определении степени тяжести проступка важное значение имеет перечень, составленный Священным Синодом и регламентирующий соотношение вины правонарушителя и церковной санкции¹². Совокупность персонального состава участников спора и определение категориальной принадлежности правонарушения позволяет сделать вывод о том, к компетенции какого церковного суда относится конкретное дело.

2. Церковный суд согласно Положению о церковном суде РПЦ

Положение о церковном суде РПЦ содержит ряд статей, которые конкретизируют определения Устава РПЦ¹³. Вместе с тем в Положении можно обнаружить и ряд важных дополнений, которые касаются вопросов, не упомянутых в Уставе, но имеющих определяющее значение для осуществления судебной деятельности Церкви. В случае противоречия между нормативными установлениями церковью, наделенных правами автономии, и Положением преимущество принадлежит последнему. Таким образом, Положение есть один из основополагающих документов, регламентирующих осуществление церковного судопроизводства.

а) Проблема основной функции церковного правосудия

Предназначение церковных судов заключается в восстановлении нарушенного порядка и профилактике правонарушений. Субъективно-покаянная направленность церковного разбирательства со всей ясностью подчеркивается в п. 1 ст. 6. Миротворческая доминанта церковно-судебных разбирательств явствует и из ч. 3 ст. 6, согласно которой церковный суд обязан способствовать примирению сторон в том случае, если результатом разбирательства станет вывод об отсутствии состава церковного правонарушения либо невиновности правонарушителя. Вместе с тем разбирательство в церковном суде не может рассматриваться как некий субинститут исповеди, а осуждение церковной инстанцией не освобождает правонарушителя от необходимости принесения личного покаяния. Положение проводит разграничительную линию между рассмотрением дела в церковном суде

¹² См.: Журнал Священного Синода. 2011. № 86.

¹³ Об истории разработки положения см.: *Зубанова С.Г.* Проблема статуса церковного суда Русской Православной Церкви // *Международное и национальное правосудие: теория, история, практика: материалы Междунар. науч.-практ. конф. 20 мая 2010 года / С.К. Дряхлов (общ. ред.).* СПб., 2010. С. 132, 133.

¹¹ Ср.: *Савва (Тутунов), иером.* Церковный суд в Русской Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/420368.html> (дата обращения: 09.03.2019).

и исповедальным самооткровением. Более того, п. 3 ст. 34 Положения прямо запрещает церковным судебным инстанциям принятие к рассмотрению заявлений от клириков по обстоятельствам, открывшимся в ходе принесения покаяния, постулируя абсолютную неприкосновенность исповеди и ее качественное отличие от церковно-судебного процесса.

б) Принцип делегирования юрисдикционных полномочий

Исходя из структуры судебных органов, установленных Уставом РПЦ, ст. 3 закрепляет своеобразную делегационную цепочку, согласно которой Архиерейский Собор РПЦ как высшая судебная инстанция передает часть своих полномочий Высшему общецерковному суду, в то время как епископ имеет право (но не обязан) делегировать право исследовать обстоятельства совершения канонических преступлений коллегиям епархиального суда. Причина подобного трансфера компетенций кроется в персональном составе церковных судебных органов. В соответствии со ст. 2 гл. III Устава РПЦ Архиерейский Собор состоит из всех епархиальных и викарных архиереев. Понятно, что проведение разбирательств органом, состоящим из более чем 400 членов, представляется весьма проблематичным, кроме того, затрудняет архиереям, присутствующим на судебных заседаниях, управление их епархиями. Поэтому к ведению этого высшего церковно-судебного органа относятся лишь те немногие дела, решение которых имеет значение для всего церковного сообщества и которые требуют задействования всей полноты авторитета и компетентности епископата. Общецерковный Суд, который согласно ч. 1 ст. 29 состоит из пяти членов в архиерейском сане, несомненно, в состоянии решать поступающие на его рассмотрение споры в более сжатые сроки, причем его юрисдикция простирается на более обширное количество дел в сравнении с юрисдикцией Архиерейского Собора. Однако широкой юрисдикцией обладают епархиальные суды как мобильные и оперативно действующие судебные сообщества. В силу ст. 25 они состоят из не менее чем пяти судей в епископском или священническом сане, причем двух из них, а именно председателя суда и его заместителя, назначает епархиальный архиерей, а остальных избирает Епархиальное собрание. Круг кандидатов ограничен представлениями епархиального архиерея, в то время как само собрание не вправе выдвигать собственных кандидатов. Подобный состав епархиальных судов, территориально ограниченный пределами одной епархии, позволяет проводить заседания с определенной периодичностью, не допуская значительных перерывов и задержек. Личный статус членов церковных судов не предоставляет им какого-либо дополнительного

иммунитета по сравнению с остальными членами Церкви. Так, они могут быть смещены с занимаемых должностей в случае вступления в законную силу решения церковного суда о совершении ими канонического правонарушения.

Важной особенностью судебной системы РПЦ является признание установлений Русской Православной Церкви Заграницей и самоуправляемых церквей в области церковного судопроизводства согласно ч. 3 ст. 1. Впрочем действие автономных прав данных канонических подразделений РПЦ оканчивается там, где применяются императивные нормы общецерковного масштаба.

в) «Общecerковный суд» и «высший церковный суд» – структурное отличие или плеоназм?

Рассматривая положения о структуре церковных судов, необходимо указать на несогласованность между нормами Устава РПЦ и определениями Положения о церковном суде. В ст. 4 гл. IX Устава РПЦ говорится о высшем общецерковном суде – судебном органе, обладающем юрисдикцией в пределах Русской Православной Церкви за исключением Украинской Православной Церкви. Исходя из каталога церковных судов, этот суд занимает второе место в судебной системе РПЦ. Однако п. 2 ст. 1 Положения, также содержащий перечень судебно-церковных органов, не содержит упоминания о подобном суде, но называет лишь Общecerковный суд, который имеет юрисдикцию в пределах всей РПЦ, не исключая и Украины. Большинство ученых рассматривает именно этот суд в качестве единственного представителя второго уровня судебной иерархии, не упоминая о существовании высшего общецерковного суда¹⁴. Определения Устава и Положения не проясняют вопрос о том, идет ли здесь речь о двух различных судебных структурах или об одном суде с варьирующимся наименованием. Если названные правовые акты действительно закрепляют существование различных, автономно функционирующих судебных инстанций, то остается неясным вопрос об их иерархическом положении и юрисдикционных взаимоотношениях. Если же различные формулировки используются для обозначения одного и того же церковного суда, то вопрос о причинах внесения терминологической неопределенности, вероятнее всего, обречен остаться риторическим.

г) Отсутствие личных судебных полномочий у Всероссийского Патриарха

Рассматривая структуру судебной власти РПЦ, нельзя не отметить, что Патриарх Московский

¹⁴ Ср., напр.: *Смыкалин А. С.* Указ. соч. 2015. № 2 (32). С. 160; *Тетюхин И. Н.* Становление церковного суда в Российской Федерации // *Вопросы современной науки и практики.* 2015. № 1 (55). С. 203.

и всея Руси не осуществляет персональных судебных полномочий, позволяющих ему единолично разрешать какие-либо споры, и не занимает высшего иерархического положения в церковной судебной системе. И хотя ч. 1 ст. 50 дает Патриарху право высказывать несогласие с решением высшего общецерковного суда и заменить его постановлением собственным решением, компетенция окончательного решения подобного спора принадлежит Архиерейскому Собору, в котором Предстоятель обладает первенством лишь как “*primus inter pares*”, но не правом решающего голоса. Более того, согласно ч. 1 ст. 31 и сам Патриарх подлжит суду Архиерейского Собора по догматическим и каноническим вопросам, а потому не может рассматриваться как некий монархический судебный орган.

д) Доступ к органам церковного правосудия

Особое внимание обращают на себя положения, касающиеся подачи заявлений о церковном правонарушении различных категорий лиц. Так, согласно ч. 1 ст. 34 заявление о церковном правонарушении, подлежащее рассмотрению епархиальным судом, должно быть подписано и подано членом или каноническим подразделением РПЦ, т.е. церковно-судебное разбирательство инициируется одним заявителем. Однако в ч. 2 данной статьи содержится ряд исключений, в которых подача заявления не является достаточным условием для открытия процесса, но должна быть дополнена свидетельствами узкого круга лиц. Так, обязательным условием подачи заявления о церковном правонарушении против действующего архиерея является подпись другого архиерея либо клириков, статус которых варьируется в зависимости от положения обвиняемого епископа. Обвинение против архиерея, находящегося на покое или за штатом, требует подписи епархиального архиерея той епархии, на территории которой совершено предполагаемое правонарушение. Для подачи заявления против руководителя Синодального и иного общецерковного учреждения, назначенного на должность решением Священного Синода или указом Патриарха Московского и всея Руси, необходимы подписи не менее чем трех ответственных сотрудников. С одной стороны, требование дополнительных подписей соответствует новозаветному установлению о минимальном количестве свидетелей, подтверждающих обвинение в совершении канонического преступления¹⁵. Впоследствии это правило вошло в свод апостольских постановлений¹⁶, следовательно, вполне может быть названо частью канонической традиции Церкви. Вместе с тем возникает определенное неравенство между отдельными

привилегированными группами лиц, находящихся под усиленной защитой от церковных разбирательств, и прочими лицами, которые могут быть привлечены к ответственности в общем порядке без каких-либо дополнительных условий.

Причина подобного диверсифицированного подхода кроется в функции епископа как лица, управляющего епархией и с этой целью наделенного значительными административными правами. Принятие заявления о совершении архиереем церковного правонарушения при определенных условиях имеет своим следствием, в числе прочих, временное освобождение епископа от должности либо временное запрещение в священнослужении. Последствием подобных обеспечительных мер стало бы отсутствие управления епархиями, т.е. административное «обезглавливание» территориально-организационных церковных единиц. Потенциал негативного развития событий в подобных условиях представляется весьма значительным: если удаление епископа могло бы быть достигнуто простым обвинительным актом, то состояние анархии было бы процессуальным следствием даже откровенного лжесвидетельства, опровержение которого в рамках предписанных юридических процедур заняло бы определенное количество времени. Отсутствие епархиального руководителя могло бы быть использовано для разрушения управленческих структур и внесения смуты в церковное сообщество. Именно поэтому состояние временного вдовства епархии рассматривается нормативными актами Церкви как *causa non grata* и допускается лишь в том случае, если обвинение против епархиального архиерея основывается на достоверных фактах. Таковыми (по смыслу ч. 2 ст. 34) являются свидетельства других архиереев.

е) Дополнительная регламентация судебного процесса

Судебно-процессуальные особенности церковного разрешения споров во многом соответствуют правовым нормам гражданского и уголовного процесса. Это касается как наличия апелляционных инстанций, каталога допустимых доказательств, так и участников судебного разбирательства и причин для отвода судей. Вместе с тем нормативные установления Положения обнаруживают и ряд специфических особенностей.

Так, содержание ст. 10 позволяет сделать вывод о том, что разбирательства в церковном суде не предполагают участия адвокатов или иных участников. Выявление целей церковно-судебного процесса, заключающихся, как уже было указано, в примирении правонарушителя с Церковью и спорящих сторон между собой, вполне объясняет отсутствие правозащитников, целью которых является опровержение выдвинутых против их клиентов обвинений и доказательство их правоты,

¹⁵ См.: Мф. 18:16.

¹⁶ См.: 75 правило Свв. Апостолов.

что в силу индивидуалистической направленности этих задач мало соотнобразится с требованиями мирного разрешения конфликтов.

Пункт 2 ст. 14 постулирует запрет дополнительной проверки и доказывания обстоятельств, установленных государственными судами. Анализируя данное положение, необходимо прийти к выводу о кардинально изменившемся отношении государственного и церковного судопроизводства, т.к. на протяжении византийского периода церковные суды вполне могли подвергаться сомнению фактические выводы государственных судов и проводить собственное расследование¹⁷. В то же время рассмотрение дела не ограничивается лишь анализом доказательств, предоставленных участниками спора. Если обстоятельства дела установлены не в полной мере или оспариваются одной из сторон, суды вправе инициировать дополнительные расследования *ex officio*, задействуя собственный аппарат и местных благочинных (ст. 38).

Особенностью церковного правосудия является и тот факт, что судебные решения вступают в законную силу не *eo ipso*, но лишь после получения особой резолюции епархиального архиерея (в случае решений высшего общецерковного суда – резолюции Патриарха Московского и всея Руси). Исключением являются решения Архиерейского собора РПЦ, который, как уже было указано, занимает иерархическое положение высшей инстанции в судебной системе Русской Православной Церкви и потому не нуждается в каких-либо сторонних резолюциях для придания юридической силы своим постановлениям. В случае несогласия с решением церковного суда епископ вправе потребовать повторного рассмотрения дела, а если и оно не принесет желаемого результата – вынести собственное решение, немедленно вступающее в законную силу, и направить дело на рассмотрение в Высший общецерковный суд. В отношении решений высшего общецерковного суда идентичными полномочиями по инициированию пересмотра решений обладают Всероссийский Патриарх и Священный Синод.

IV. Заключение

Рассмотрение состояния судебной системы РПЦ позволяет сделать ряд выводов. Прежде всего верным представляется утверждение о наличии устоявшегося, структурированного и бесперебойно функционирующего церковного судопроизводства. В нормативных актах РПЦ зафиксированы компетенции судов разного уровня, права и обязанности участников судебных разбирательств, этапы судопроизводства, порядок вынесения и последствия

судебных решений, а также способы их обжалования в вышестоящих инстанциях. Налицо разветвленная сеть региональных судебных органов, которые существуют в каждой епархии и обеспечивают доступность церковных судов. Действенным может быть назван и механизм самоконтроля судебной системы, находящий свое выражение в наличии инструментов апелляционного обжалования решений нижестоящих инстанций. Наконец, положительным аспектом является и высокая доля исполнения решений церковных судов, что подтверждается *e contrario* наличием лишь отдельных свидетельств неповиновения. Впрочем, нельзя не отметить, что эмпирически данное утверждение не может быть обосновано вследствие отсутствия достоверных статистических данных.

Вместе с тем необходимо обратить внимание и на некоторые проблемы. Так, принципиальный отказ от публичности судебных разбирательств хотя и основывается на веских доводах, но тем не менее ведет к непрозрачности церковного судопроизводства, что вряд ли может соответствовать общественному запросу в условиях всеобщей информационной открытости. Снятие изоляционных барьеров, разумеется, не имеет своей целью открытие церковных судов для огульной критики (хотя это и стало бы одним из неизбежных побочных эффектов открытости процессов). Необходимо рассмотреть возможность доступа экспертов юридического и богословского профиля, реально заинтересованных в независимости и профессионализме церковных судов и способных внести вклад в улучшение качества судебной системы. Скорее негативным фактором может быть названа и «кастовость» судебной системы, которая допускает избрание в качестве судей исключительно лиц, облеченных священным саном. Изоляция мирян, обладающих познаниями в области права, теологии и других научных дисциплин, вряд ли может быть обоснована. Кроме того, исключительно клерикальный состав церковных судов способен породить отчужденность между духовенством и мирянами, которые могут выступать в церковных судах в лучшем случае как свидетели. В этой связи необходимо подчеркнуть, что речь не идет об обязательном включении мирян в состав судейских коллегий. Возможно использование экспертного мнения специалистов в качестве рекомендаций без обязывающей юридической силы, как это практикуется в системе государственных судов¹⁸.

В рамках данной статьи представляется необходимым указать и на существование еще одной

¹⁷ Ср.: Рудоквас А.Д. Юрисдикция епископского суда в области гражданского судопроизводства Римской империи в IV в.н.э. // *Ius antiquum* – древнее право. 1998. № 1(3). С. 94, 95.

¹⁸ См., напр.: Кряжкова О.Н. Право быть услышанным: меморандумы *amicī curiæ* в российском Конституционном Суде // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 5 (126). С. 87–105.

фундаментальной проблемы, решение которой, однако, в силу ее значительной сложности и объема не входит в круг задач данного исследования, но должно быть оставлено для специальных, более масштабных научных трудов. Она касается адекватности применения древних церковных канонических в условиях нынешнего времени. Наличие затруднений, связанных с этим вопросом, признается практически повсеместно. Совершенно очевидно, что не может признаваться неограниченное по времени действие правовых норм, составленных много веков назад и относящихся к конкретным обстоятельствам определенных исторических эпох, кардинально отличающихся от насущных общественно-политических, экономических и культурных условий¹⁹. Определенные наработки и подходы к классификации канонических установлений по действию *ratione temporis* могут быть обнаружены в богословско-исторических трудах дореволюционного периода. Однако ни один из них не смог послужить достаточным импульсом к началу широкой дискуссии с участием как специалистов из области науки, так и юристов-практиков. Не разделяя неутешительные прогнозы некоторых ученых о невозможности создания в Русской Православной Церкви справедливой судебной системы по причине значительной неопределенности нормативных основ и отсутствия критического анализа исторического развития церковного судопроизводства²⁰, необходимо признать, что проведение всеобъемлющей фильтрации юридического наследия с целью составления перечня применимых церковных правил должно быть названо одной из задач современной канонистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белякова Е.В.* Церковный суд: нерешенные проблемы // Независимая газ. 2005. 19 янв. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2005-01-19/5_sud.html (дата обращения: 09.03.2019).
2. *Волужков Д.В.* К вопросу об основаниях церковного судопроизводства на примере «Положения о церковном суде Русской Православной Церкви» от 2008 г. // Христианское чтение. 2018. № 3. С. 159.
3. *Горчаков М.И., прот.* Церковное право. СПб., 1909. С. 209, 210.
4. *Заозерский Н.* Церковный суд в первые века христианства. Кострома, 1878. С. 117.
5. *Зубанова С.Г.* Проблема статуса церковного суда Русской Православной Церкви // Международное и национальное правосудие: теория, история, практика: материалы Междунар. науч.-практ. конф. 20 мая 2010 года / С.К. Дряхлов (общ. ред.). СПб., 2010. С. 132, 133.
6. *Иларион (Алфеев) еп.* Православие. Т. 1. М., 2008. С. 333.
7. *Кряжкова О.Н.* Право быть услышанным: мемуары amicus curiae в российском Конституционном Суде // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 5 (126). С. 87–105.
8. *Никодим (Милаш), еп.* Православное церковное право. СПб., 1897. С. 460.
9. *Певцов В.Г., прот.* Лекции по церковному праву. СПб., 1914. С. 207.
10. *Рудоквас А.Д.* Юрисдикция епископского суда в области гражданского судопроизводства Римской империи в IV в.н.э. // *Ius antiquum* – древнее право. 1998. № 1(3). С. 94, 95.
11. *Савва (Тутунов), иером.* Церковный суд в Русской Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/420368.html> (дата обращения: 09.03.2019).
12. *Сенека Луций Анней.* О гневе // Сенека Луций Анней. Философские трактаты / пер. Т.Ю. Бородай. Кн. II, гл. 28. СПб., 2001.
13. *Смыкалин А.С.* Историко-сравнительный анализ современной судебной системы Российской Федерации и церковных судов Русской Православной Церкви // Бизнес, менеджмент, право. 2015. № 2 (32). С. 160; 2016. № 1–2 (33–34). С. 85.
14. *Тетюхин И.Н.* Становление церковного суда в Российской Федерации // Вопросы современной науки и практики. 2015. № 1 (55). С. 203.
15. *Цицерон Марк Туллий.* Речь в защиту Луция Корнелия Бальба // Вестник древней истории. 1987. № 2 (гл. III, § 8).
16. *Цыпин В., прот.* К вопросу о церковном суде. URL: <https://pravoslavie.ru/70345.html> (дата обращения: 09.03.2019).

REFERENCES

1. *Belyakova E.V.* Church court: unsolved problems // Independent newspaper. 2005. 19 Jan. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2005-01-19/5_sud.html (accessed: 09.03.2019) (in Russ.).
2. *Voluzhkov D.V.* On the issue of the grounds of Church legal proceedings on the example of the “Regulations on the Church court of the Russian Orthodox Church” from 2008 // Christian reading. 2018. No. 3. P. 159 (in Russ.).
3. *Gorchakov M.I., prot.* Canon Law. SPb., 1909. P. 209, 210 (in Russ.).

¹⁹ Ср.: *Цыпин В., прот.* К вопросу о церковном суде. URL: <https://pravoslavie.ru/70345.html> (дата обращения: 09.03.2019).

²⁰ Ср.: *Белякова Е.В.* Церковный суд: нерешенные проблемы // Независимая газ. 2005. 19 янв. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2005-01-19/5_sud.html (дата обращения: 09.03.2019).

4. *Zaozersky N.* Church court in the first centuries of Christianity. Kostroma, 1878. P. 117 (in Russ.).
5. *Zubanova S.G.* The problem of the status of the Church court of the Russian Orthodox Church // International and national justice: theory, history, and practice: International scientific-practical Conf. May 20, 2010 / S.K. Dryakhlov (General ed.). SPb., 2010. P. 132, 133 (in Russ.).
6. *Iarion (Alfeyev), bishop.* Orthodoxy. Vol. 1. M., 2008. P. 333 (in Russ.).
7. *Kryazhkova O.N.* The right to be heard: memoranda amici curiae in the Russian Constitutional Court // Comparative constitutional review. 2018. No. 5 (126). P. 87–105 (in Russ.).
8. *Nicodim (Milash), bishop.* Orthodox Church Law. SPb., 1897. P. 460 (in Russ.).
9. *Pevtsov V.G., prot.* Lectures on Church Law. SPb., 1914. P. 207 (in Russ.).
10. *Rudokvas A.D.* The jurisdiction of the Episcopal Court in the civil proceedings of the Roman Empire in the fourth century BC // Ius antiquum – ancient law. 1998. No. 1(3). P. 94, 95 (in Russ.).
11. *Savva (Tutunov), hieromonk.* Church court in the Russian Church. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/420368.html> (accessed: 09.03.2019) (in Russ.).
12. *Seneca Lucius Annaeus.* About anger // Seneca Lucius Annaeus. Philosophical treatises / transl. T. Yu. Borodai. Book II, ch. 28. SPb., 2001 (in Russ.).
13. *Smykalin A.S.* Historical and comparative analysis of the modern judicial system of the Russian Federation and the Church courts of the Russian Orthodox Church // Business, management, law. 2015. No. 2 (32). P. 160; 2016. No. 1–2 (33–34). P. 85 (in Russ.).
14. *Tetyukhin I.N.* Formation of the Church court in the Russian Federation // Questions of modern science and practice. 2015. No. 1 (55). P. 203 (in Russ.).
15. *Cicero Marcus Tullius.* Speech in defense of Lucius Cornelius Balba // Herald of ancient history. 1987. No. 2 (ch. III, § 8) (in Russ.).
16. *Tsyplin V., prot.* To the question of the ecclesiastical court. URL: <https://pravoslavie.ru/70345.html> (accessed: 09.03.2019) (in Russ.).

Сведения об авторе

САФОКЛОВ Юрий Игоревич –

Dr. iur., старший научный сотрудник кафедры немецкого конституционного и административного права, европейского конституционного и административного права и международного права, FernUniversität in Hagen (ФРГ); Universitätsstraße 21, 58094 Hagen, Deutschland

Authors' information

SAFOKLOV Yuri I. –

Dr. iur., senior researcher at the Department of German Constitutional and Administrative Law, European Constitutional and Administrative Law and International Law; FernUniversität in Hagen (Germany); Universitätsstraße 21, 58094 Hagen, Deutschland